

Петрова Э.Б.
ФЕОДОСИЙСКИЙ МУЗЕЙ И ОДЕССКОЕ ОБЩЕСТВО ИСТОРИИ И ДРЕВНОСТЕЙ:
ДВА ЮБИЛЕЯ

В 2001 г. один из старейших музеев в России и Украине, фактически первый в Крыму – Феодосийский краеведческий (ФКМ) – отмечает двойной юбилей: 190 лет со времени его основания и 150 лет со времени перехода его в ведение Одесского Общества истории и древностей (ООИД). Оба события стали важными вехами в культурной жизни Крыма XIX – начала XX в.

Феодосийский музей древностей (ФМД) был открыт 13 (25) мая 1811 г. В районе Феодосии к тому времени было собрано немало памятников старины. Не обошлось дело без грабительских раскопок, благодаря которым составлялись частные коллекции. Главный их порок – полное отсутствие фиксации найденного, уничтожение комплексов и рассредоточение реликтов по разным коллекциям, включая заграничные. Это, как и систематическое разрушение средневековых памятников, вызывало тревогу у многих культурных людей. "Чудная судьба Феодосии! Ее всегда и все разрушали: боспорцы, татары, турки, русские войска, коменданты и градоначальники!" – с горечью восклицал Н.Мурзакевич [1, с.182. См. также: 2, р.280 – 298; 3, с.232 – 235]. Памятники старины нужно было сохранить, а раскопками заняться в научных целях. Для этого и решено было организовать музей.

История музея богата и украшена блестящими именами [4 – 8]. Инициатором его создания стал градоначальник Феодосии Семен Михайлович Броневский – личность незаурядная, человек прогрессивных взглядов, образованный, автор книг, посвященных географии, этнографии и истории Кавказа, один из первых русских краеведов и коллекционеров. Для музея выделили небольшое здание старой турецкой мечети. Коллекция составлялась из древностей, приобретаемых у местных жителей, на что городская дума выделила 1 тыс. руб. Это были памятники из Феодосии и ее округа, Керчи, Судака, Тамани и других мест. Фонды росли также благодаря дарениям и случайным поступлениям. Уже в 1828 г. П.Кеппен назвал феодосийское собрание одним из самых богатых наряду с одесским, николаевским и даже эрмитажным [9, с.5]. В 1836 г. М.Мурзакевич насчитал в музее 64 предмета и около 350 греческих и римских монет [10, с.672].

С 1811 по 1826 гг. музей существовал за счет денежных пособий в размере 141 руб. серебром, ежегодно выделяемых из средств городской думы [11, л.9 – 9 об.]. Опека над ним возлагалась на начальника феодосийского карантина. Первым его заведующим по решению С.Броневского стал Варфоломей Галлера – городской голова Феодосии, торговец, известный своим увлечением нумизматикой и коллекционированием древностей (судя по всему, основная часть его личного собрания оказалась не в музее, а была им продана). В 1818 г. его сменил карантинный врач Иван Иванович Граперон – приглашенный из Франции в Россию доктор медицины [12, л. 35 – 36; 13, с.51; 14]. С 1810 г. не покладая рук он трудился в Крыму, борясь с эпидемиями. Одновременно на протяжении 30 лет заведовал Феодосийским музеем, хотя неоднократно покидал Феодосию (и порой надолго) по делам медицинской службы. Любил Крым, собирал материалы по его истории, встречался и переписывался с учеными.

Однако занятые служебными делами и (не без того) собственными коллекциями древностей и Галлера, и Граперон не имели возможности целиком посвящать себя музею и систематически заниматься его проблемами, к тому же они оставались любителями, им не хватало профессиональных знаний. Прекращение финансирования музея думой с 1826 г., отсутствие заведующего с 1847 г. (после отъезда и гибели Граперона, передавшего на время ключ от музея одному из членов Правления карантина) ухудшили его положение, сказались на пополнении и обработке материалов.

Итак, почти сорок лет жизнь музея проходила не в самых благоприятных условиях: он был стеснен в финансах, не имел профессионально подготовленных сотрудников (вернее, одного сотрудника – заведующего, других просто не было), его фонды не могли систематически пополняться из-за того, что в Феодосии и ее округе не велись археологические работы.

Выход был найден. В 1849 – 1850 гг. ведется переписка по поводу передачи музея в заведование члену карантина, корреспонденту ООИД Евгению Францевичу де Вильнёву, надолго соединившему свою судьбу с музеем, занимавшемуся археологическими раскопками, зорко охранявшему средневековые памятники города [11, л.9 – 26 об.; 15, л.1 – 3 об.]. Еще раньше он поставлял в Общество сведения о новых находках предметов старины в Феодосии. Теперь к ним добавились сообщения о составе музейной коллекции, рисунки и планы древних построек, копии надписей. В 1853 г. в Париже вышел его "Album historique et pittoresque de la Tauride". Новый заведующий так же, как и два его предшественника, не был профессиональным историком и археологом, но отличался большой эрудированностью, склонностью к занятиям гуманитарными науками, и, судя по всему, не сочетал

работу в музее с какой-либо иной деятельностью, но предпочел всего себя отдать любимому делу – собиранию и изучению памятников старины.

Через де Вильнёва Одесское Общество получало важную информацию о древностях Феодосии и Юго-Восточного Крыма. Оно проявляло живейший интерес к музею, принимало меры к сохранению местных памятников, тревожилось по поводу прекращения денежных поступлений для поддержания и умножения коллекции. Забота вылилась в желание взять под опеку по сути дела брошенный на произвол судьбы музей. Передача последнего в ведение ООИД засвидетельствована многочисленными письмами и отношениями, датированными 1850 – 1851 гг. [11]. Дело о передаче музея рассматривалось местными властями и новороссийским и бессарабским генерал-губернатором графом М.Воронцовым. Одесское Общество намеревалось ежегодно выделять музею по 100 руб. для приращения коллекции. Местные власти, в свою очередь, назначили из татарского сбора такую же сумму на содержание сторожа и приобретение вещей. Была составлена смета в 204 руб. на ремонт здания музея. Де Вильнёву поручили подготовить опись музейных вещей, что он и сделал уже в 1850 г. Опись вызвала благожелательные отзывы Общества.

Довольно быстрыми темпами начала пополняться коллекция новыми экспонатами. Уже через восемь лет понадобилась новая опись. В ней зарегистрировано более полутора сотен предметов из камня и глины, несколько десятков – из металла, 331 монета [11, л.43 – 57]. В опись были включены вещи, добытые де Вильнёвом при раскопках феодосийских курганов в 1852 г. и в последующее время.

За тринадцать лет со времени передачи музея в ведение ООИД его коллекция заметно возросла за счет вновь приобретенных надписей (32), монет (около 600) и мелких вещей [11, л.72 – 72 об., 88 – 91 об.; 16, с.481]. Общество следило за формированием фондов музея и их научной обработкой; из Одессы в Феодосию шли древности и книги. По ходатайству ООИД в 1853 г. начальник Таврической губернии дал предписание феодосийской полиции наблюдать за сохранностью древних предметов в курганах и не позволять частным лицам проводить их раскопки, а через пять лет губернские власти отдали распоряжение о передаче в музей всех памятников, находимых при строительных работах в городе и его округе [11, л. 58 – 58 об., 96 – 99, 103 – 105; 17, л. 23 – 24, 37 – 42 об.; 18, л.32]. Общество также попросило Таврического гражданского губернатора предписать феодосийским жителям, строившим дома и проводившим земляные работы, не закладывать в новые постройки камни с надписями, обломки статуй, древние архитектурные украшения, но передавать их в местный музей. Большую переписку между Обществом Российских железных дорог и де Вильнёвом в 1858 г. вызвала постройка Московско-Феодосийской железной дороги. Инженерам было вменено в обязанности срисовывать обнаруженные при работах в Феодосии и ее окрестностях фундаменты древних зданий, а вещи и монеты сдавать в музей. В тяжелые годы Крымской войны Одесское Общество заботилось о сохранности коллекции и здания музея: заведующему было предложено понадежнее спрятать древние вещи и сообщить, какие он сделал распоряжения по сохранению музея [18, л.33 – 35].

Не меньшее внимание уделяли члены ООИД начавшимся в Феодосии археологическим раскопкам. Их проводил в 1852 г. прибывший из Санкт-Петербурга археолог и нумизмат Александр Александрович Сибирский, в 1853 г. – феодосийский художник Иван Константинович Айвазовский. Во время этих работ был частично раскопан городской курганный некрополь V – III вв. до н.э., могилы которого содержали первоклассные изделия из золота, высокохудожественные терракоты, монеты. Лучшие находки дополнили и украсили коллекцию Эрмитажа [19]. Тогда же несколько курганов раскопал де Вильнёв. Драгоценностей он не нашел, однако и эти работы не оказались бесполезными [17, л.15 -35]. Важно, что археолог работал под руководством Общества, члены которого – люди опытные и знающие, с их помощью он постигал методику раскопок, описания и хранения древностей. В 1856 г. раскопки курганов продолжил директор Керченского музея Александр Ефимович Люценко [20, с.278 – 282; 21, л.10 – 17]. В 1860 г. велись переговоры об объединенных археологических изысканиях в Феодосии Археологической Комиссии и Одесского Общества. Де Вильнёву было поручено определить, есть ли надежды на интересные находки в курганах. Заведующий музеем выразил твердую уверенность в пользе таких работ, каковые, вероятнее всего, не состоялись по неизвестным нам причинам.

С 1863 г. прекратились отчисления от татарского сбора в пользу музея и было решено перевести последний либо в Керченский музей, либо в Одесский. Началась долгая переписка Одесского Общества с таврическими властями [11, л.60 – 83]. В Феодосию был командирован его секретарь Николай Никифорович Мурзакевич, ранее бывавший в Крыму и посещавший Феодосию [10]. Результатом новой поездки стал подробный отчет и уверение Общества в необходимости оставить музей на месте. Мурзакевич выразил убеждение в том, что государству нужны местные музеи: "...тем скорее и легче разовьются в народе научные знания и изящный вкус". Он считал, что музей должен стать постоянно действующим для публики, а заведование им должно предоставлять лишь людям знающим. Хлопоты

увенчались успехом, и в следующем году местные власти приняли решение о сохранении музея. Тогда же Общество в лице своего неутомимого секретаря обращается к новороссийскому и бессарабскому генерал-губернатору с предложением открыть музей для посетителей и сделать в нем необходимые улучшения. В 1865 г. музей получает в дар от Одесского Общества более двухсот монет и три десятка книг. И все-таки он испытывает трудности: медленно идет ремонт, не хватает денежных средств. После де Вильнёва часто менялись заведующие: с 1864 по 1869 гг. эту должность занимали Д.Писаревский, Н.Чекалёв и И.Бескровный; правда, довольно длительное время – с 1869 по 1878 гг. – музеем заведовал Степан Иванович Веребрюсов [11, л. 82 – 84, 111 – 119, 123 – 125].

Через три года после последней поездки Мурзакевич снова в Феодосии, где отдает все силы музею. Нумерует и размещает в определенном порядке экспонаты, составляет систематический указатель коллекции, классифицирует фонды по разделам: эллинский, византийский, гетуэзский, армянский, восточный, еврейский [11, л.120 – 120 об.]. Эта система сохранилась на долгое время. В 1869 г. вышел в свет первый печатный указатель музея, а уже в начале 70-х гг. было подготовлено его новое издание.

Вскоре, однако, таврические власти решили перевести музей в иное здание – старую мечеть на Карантине, прежнее же помещение передать евангелическому приходу. В письме в Общество Мурзакевич протестует против распоряжения Таврического губернатора, он убежден, что музей должен находиться в центре города, недалеко от пристани, быть доступным для посетителей. Мечеть на Карантинной горке, по его мнению, слишком мала для размещения коллекции, а подход к ней неудобен. "Разрушать и портить легко, но созидать и устраивать очень и очень трудно", – завершает он свое гневное послание [11, л.128 – 128 об. См. также: л.130 – 138 об.]. Общество вновь отстаивает интересы музея, а в ответ получает уверение в том, что здание мечети на Карантине прочное и подходящее для хранения музейной коллекции. На сей раз власти были непреклонны.

Музей спас счастливый случай: на деньги, собранные от выставки картин, И. Айвазовский решил построить памятник-часовню герою кавказский войн генералу П. Котляревскому, жившему и умершему в Феодосии, часть же здания предназначалась для музея. Подробности этого дела хорошо известны из переписки художника с ООИД и местными властями и из других документов 1870 – 1871 гг. [11, л.139 – 155 об.; 22; 23; 24, с.165, №128]. Здание выстроили из местного известняка в античном стиле, оно располагалось на холме Митридат так, что было видно издали (эта романтическая постройка погибла в годы Второй мировой войны). Коллекцию музея благополучно перевезли в новое помещение, ставшее целиком музейным, ибо прах Котляревского так и не был перевезен в него с кладбища. В июле 1871 г. состоялось открытие музея в новом помещении, оно ознаменовалось многочисленными подарками: пять картин от Айвазовского, 93 предмета от Керченского музея, 27 серебряных и 348 медных монет от Одесского Общества [11, л.151 – 164]. Городская дума постановила выделить музею на устройство 50 руб. и ежегодно отпускать на содержание сторожа по 100 руб. Музей был открыт для посетителей ежедневно. С.Веребрюсов в отчете Обществу представил данные по коллекции на 1871 г.: надписей и других предметов – 224, монет – 1614; в отчете за 1875 г., не считая монет, числилось 240 предметов, в отчете О.Ретовского за 1893 г. – 509, в отчете Л.Колли за 1900 г. – 553 [25, л.4 – 4 об.; 26, с.56 – 58; 27, с.38 – 41].

Пополнение коллекции осуществлялось теперь не только за счет дарений и покупок, но, в первую очередь, благодаря находкам, сделанным в ходе раскопок в Феодосии и ее округе. Новый этап археологического изучения города относится к концу XIX в. В 1891 – 1895 гг. в Феодосии строился порт, наблюдение за работами было поручено военному инженеру и известному археологу Александру Львовичу Бертье-Делагарду. Скорости ради решили добывать землю с карантинного холма, значительная часть которого в результате оказалась снесенной. Во время этих работ обнаружилось большое количество памятников старины (от VI в. до н.э. до XV в. н.э.). Бертье, как мог, спасал остатки прошлого величия города, покупал у рабочих найденные ими вещи. Увы, далеко не все удалось собрать, не говоря уж о том, что вместе с частью Карантинной горки ушли в небытие ценнейшие слои городища античного времени. И все-таки Бертье собрал коллекцию древностей, включившую множество фрагментов столовой посуды, терракот, архитектурные детали из камня и глины, сотни монет различных центров производства [28]. Часть находок он отправил в музей Одесского Общества, где они попали в разряд лучших его вещей, около сотни – на хранение в местный музей. Высокохудожественные терракоты из этих раскопок были описаны и проиллюстрированы в издании музея ООИД, скульптуры – в статьях О.Вальдгауера, геммы – в книге Т.Кибальчича, монеты феодосийского чекана – в работах П.Бурачкова, Х.Гиля, А.Бертье-Делагарда. Амфорные и черепичные клейма публикуются председателем ООИД Владиславом Норбертовичем Юргевичем [29; 30], чье участие в жизни музея было так же велико, как и Н.Мурзакевича. Член ООИД Эрнст Романович фон Штерн публикует керамические находки,

граффити и пишет большой труд "Феодосия и ее керамика" [31 – 33]. В нем собраны разнообразные источники, подняты важные вопросы, в том числе дискуссионные. Эта книга иллюстрирует преимущество комплексного подхода к источникам. В ней также помещен каталог подаренных Бертье музею ООИД фрагментов античной и средневековой керамики и письмо Бертье к Штерну – прекрасное дополнение к тексту книги, что-то вроде краткого отчета о поисках памятников древности на Карантине, в районе порта и на территории курганного некрополя.

Одесское Общество в лице его председателя и секретаря проявляло постоянную заботу о музее и памятниках старины в Феодосии и близлежащих к ней районах. В адрес разнообразных обществ и учреждений рассылались многочисленные письменные просьбы помочь музею в том или ином деле. Само Общество не могло увеличить столь необходимые для музея и раскопок денежные пособия: оно не имело достаточных средств. Однако стараниями ООИД начали регулярно выходить указатели ФМД, благодаря Одесскому Обществу музей стал не только хранителем древностей, но и научно-просветительским учреждением, открытым для посетителей, а также исследовательским центром, во главе которого стояли ученые. После Веребрюсова его возглавили учителя местной гимназии Отто Фердинандович Ретовский и Людвик Петрович Колли, которые превратили любительские занятия историей в свою профессию. Оба поддерживали тесные связи с Одесским Обществом, являлись его членами, активно публиковались в "Записках ООИД" и "Известиях ТУАК". Оба пользовались уважением членов Общества и по его предложению возглавили музей. Достаточно обратиться к материалам "Записок ООИД", чтобы убедиться в том, как часто Общество обращалось к делам Феодосийского музея, старалось по возможности публиковать феодосийские материалы, в отчетах, летописях Общества постоянно фигурировали добытые в Феодосии и ее округе памятники, говорилось о состоянии музея.

В годы советской власти и после ее крушения музей продолжал и до сих пор продолжает испытывать трудности. Переезжал из одного помещения в другое, неоднократно терял свои экспонаты, в том числе лучшие, всегда остро нуждался в денежных средствах, профессионально подготовленных кадрах. Остается сожалеть, что в XX в. не нашлось такого заинтересованного в деле собирания и сбережения памятников старины, изучения исторического прошлого Феодосии и Юго-Восточного Крыма учреждения (государственного ли, общественного ли), каким было Одесское Общество истории и древностей – организация отнюдь не богатая, но сделавшая так много нужных и полезных дел благодаря энтузиазму, образованности и любви к истории небольшого количества людей, связавших с ней свои судьбы. История Феодосийского музея древностей и Одесского Общества – яркая и поучительная страница в истории культуры Крыма, России и Украины XIX – начала XX в.

Литература

1. Мурзакевич Н.Н. Автобиография. – СПб., 1889.
2. Dubois de Montpereux F. Voyage autour... – Paris, 1843. – V.5.
3. М.А. К истории порчи и разрушения феодосийских башен // ИТУАК. – 1913. – №50.
4. Петрова Э.Б. "Подобно старику Вергилия, разводит сад..." (А.С.Пушкин и С.М.Броневский) // КА. – 1999. – №4.
5. Петрова Э.Б. Из истории археологического изучения феодосийских древностей // Античная история и современная историография. – Казань, 1991.
6. Петрова Э.Б. Феодосийский музей древностей: античные памятники и их собиратели // Античные коллекции из раскопок Северного Причерноморья. – М., 1994.
7. Петрова Э.Б. Культура как объединяющий фактор в многонациональном Крыму // Исторический опыт межнационального и межконфессионального согласия в Крыму. – Симферополь, 1999.
8. Никифоров А.Р., Петрова Э.Б. Феодосийский швейцарец Л.П.Колли // Клио. – Симферополь, 1998. – №1 – 4 (4).
9. Кеппен П. Древности северного берега Понта. – М., 1828.
10. Мурзакевич Н.Н. Поездка в Крым в 1836 г. // ЖМНП. – 1837. – Ч.13. – №3.
11. ООГА. – Ф.93. – Оп.1. – Д.40.
12. Архив ФКМ. – К.П. 24312. – Н.А.19.
13. [Киреенко Г.] Ордера кн. П.А.Зубова Правителю Таврической области: 1793 г. // ИТУАК. – 1892. – №15.
14. Колли Л.П. Иван Иванович Грапперон // ИТУАК. – 1905. – №38.
15. ГААРК. – Ф.26. – Оп.1. – Д.17513.
16. Мурзакевич Н.Н. Летопись Общества с 14 ноября 1862 г. по 14 ноября 1866 г. // ЗООИД. –

1867. – Т.6.
17. ООГА. – Ф.93. – Оп.1. – Д.46.
 18. ООГА. – Ф.93. – Оп.1. – Д.52.
 19. Древности Босфора Киммерийского. – СПб., 1854.
 20. Археологические изыскания близ Феодосии // Древности: Археологический вестник. – 1868. –
- Ноябрь – декабрь.
21. ООГА. – Ф.93. – Оп.1. – Д.33.
 22. ООГА. – Ф.93. – Оп.1. – Д.94.
 23. ГААРК. – Ф.26. – Оп.1. – Д.25331.
 24. Айвазовский: Документы и материалы. – Ереван, 1967.
 25. ООГА. – Ф.93. – Оп.1. – Д.86.
 26. Отчет Императорского ООИД за 1893 г. – Одесса, 1894.
 27. Отчет Императорского ООИД за 1900 г. – Одесса, 1901.
 28. Петрова Э.Б. А.Л.Бертье-Делагард и феодосийские древности // КНП. – Симферополь, 2000. –
- №13. – Октябрь.
29. Юргевич В.Н. О именах иностранных на надписях Ольвии, Боспора и других греческих городов северного побережья Понта Евксинского // ЗООИД. – 1872. – Т.8.
 30. Юргевич В.Н. Надписи на ручках и обломках амфор и черепиц, найденных в Феодосии и 1894 г. // ЗООИД. – 1895. – Т.18.
 31. Штерн Э.Р. Graffiti на античных сосудах из Южной России // ЗООИД. – 1897. – Т.20.
 32. Штерн Э.Р. Значение керамических находок на юге России... // ЗООИД. – 1900. – Т.22.
 33. Штерн Э.Р. Феодосия и ее керамика. – Одесса, 1906.

Список сокращений

- ГААРК - Государственный архив Автономной Республики Крым
 ЖМНП - Журнал Министерства народного просвещения
 ЗООИД - Записки Одесского Общества истории и древностей
 ИТУАК - Известия Таврической ученой архивной комиссии
 КА - Крымский архив
 КНП - Культура народов Причерноморья
 ООГА - Одесский областной государственный архив
 ООИД - Одесское Общество истории и древностей
 ТУАК - Таврическая ученая архивная комиссия
 ФКМ - Феодосийский краеведческий музей
 ФМД - Феодосийский музей древностей